

PaMa
ClerM

Марина Семенова

Литораль

«ИП Стрельбицкий»

Семенова М. М.

М. М. Семенова — «ИП Стрельбицкий»,

И снова о любви. И снова о женщине, которая эту любовь ищет. Она вступает в отношения открыто и бесстрашно, балансируя на самом краешке своего, мало кому понятного, запределья эмоций. В жизни главной героини Аниты столько разочарования и предательства, что казалось бы давно пора озлобиться и перестать верить, и опустить руки, и свернуть крылья, которые при рождении даются каждой из нас. Только не каждая из нас догадывается, что умеет летать. Анита, похоже, догадалась...

Марина Семенова

Литораль

Мама рожать меня не хотела. Мама хотела сделать аборт. У неё и направление уже на руках было – маленький бумажный четырехугольник, определяющий «быть или не быть» мне на этом свете...

Конечно, тогда, беззаботно покачиваясь в околоплодных водах, я не могла этого знать. Тогда я мечтала родиться на радость папе с мамой, старшей сестре и всему миру.

Покачивалась и не догадывалась ни о чем. Обо всем мне рассказала бабушка. Много позже. Зачем рассказала? Наверное, чтобы похвастаться, что именно она отговорила невестку от аборта, похвастаться и повысить свою значимость в глазах внуки.

Бабушку можно было понять, ей, как и всем старикам, не хватало внимания и заботы. И, конечно, любви. Любовь невероятно дефицитный продукт, её всегда кому-то не хватает.

Маму тоже можно было понять – она так долго мечтала вырваться из домашнего плена: пойти на работу, быть среди людей и, наконец-то, заниматься любимым делом – проектировать красивые дома. Но отец запрещал ей работать. Не просил, не настаивал, а именно – запрещал. Он, вообще, был самодуром, мой отец.

Впрочем, и его можно было понять. Моя мама была невероятной красоты женщина, и отец её очень любил, а еще больше ревновал, потому что знал – она его не любит. Не догадывался, не предполагал, а именно знал. Наверняка. Ведь она сама ему об этом сказала, когда он позвал её замуж. Так и сказала:

– Прости, но я тебя не люблю...

У интеллигентных людей так принято: просить прощение за нелюбовь. И она попросила, думая, что этого будет достаточно для того, чтобы он отступился, но, отец не отступился. Преследовал, настаивал, просил, обещал золотые горы. Он был чертовски хорош собой и весьма перспективен, этот молодой офицер в звании майора, поэтому все мамини подруги всячески ее уговаривали:

– Соглашайся, дура! Считай, что вытащила счастливый билет. Он, ведь, отслужит в нашем заповедье годик-другой и вернется к себе столицу. А в столице знаешь какая жизнь!!

– Какая? – без интереса спрашивала моя будущая мама, просто чтобы поддержать разговор.

– Какая-какая... Столичная!

– А-а-а... Ну-да... конечно, – грустно улыбалась мама, а подруги продолжали уговаривать.

И уговорили.

Мама вышла замуж и через год родила моему папе дочь, а еще через год они, на самом деле, переехали жить в столицу.

Её столичная жизнь ограничивалась трехкомнатной квартирой, продовольственным рынком и двумя магазинами, а главным столичным развлечением стали сцены ревности, которые ей регулярно устраивал муж.

Мама не участвовала в его спектаклях, а лишь отмалчивалась. Гордо и упрямо. Что еще больше его заводило. Он был бессилен перед её молчанием и перед её нелюбовью, а бессилие всегда приводит мужчину в ярость. И тогда молодой офицер принялся искать любовь на стороне и стал крутить бесчисленные романы с падкими на военный мундир женщинами. Но, похоже, маме и до этого не было никакого дела: как-то застав мужа с соседкой в супружеской постели, она постояла с минуту, посмотрела и пошла на кухню готовить ужин, и на лице её блуждала такая презрительная, почти брезгливая, улыбка. Такая невыносимая, для мужского самолюбия, улыбка. И тогда – он ударил её. Наотмашь. Но мама снова промолчала,

лишь натянулась струнно и окаменела. В одночасье и навсегда. Я этого не видела, не могла видеть. Меня тогда еще и на свете-то не было. Но зная маму, я думаю, что все было именно так. Я в этом, практически, уверена.

А потом он купил ей золотые часы, маленькие такие с ажурным браслетом. По тому времени – королевский подарок. Но, мама подарок не оценила, она устроила мою старшую сестру в детский садик и вышла на работу., чтобы заработать денег, купить билет и уехать домой, в свой родной город на другой конец страны. Когда отец узнал о том, что мама вышла на работу – просто взбесился и схватил первое, что попало ему под руку. Под руку попались золотые часы. Он швырнул их на пол и раздавил каблуком армейских сапог.

С тех пор, каждый раз, когда по телевизору идет фильм «Девчата», я жду сцену, где Рыбников точно так же топчет сапогом свой отвергнутый подарок и всегда вспоминаю отца.

Теперь вы понимаете, почему мама не хотела меня рожать?

Но-таки родила и назвала Анитой. Папе это имя не нравилось. Мама охотно бы назвала меня так, как нравилось ему, но папе не нравилось ни одно женское имя, потому что папа хотел сына.

Говорят, что нежеланный ребенок приходит в этот мир с чувством вины. Найдутся те, кто будет это утверждение отрицать или подвергать сомнению, но мое пожизненное, какое-то гипертрофированное, чувство вины отрицает все отрицания и отменяет всяческие сомнения. Я всегда и за все чувствую себя виноватой, даже за то, что не делала и никогда сделать бы не смогла. Все это, видимо, из-за моего уязвимого характера и чрезмерной ранимости.

А еще переменчивости в настроении. Впрочем, эти два качества почти всегда напрямую связаны между собой. Есть такие люди, на настроение которых влияет все: дождь и солнце за окном, сбежавший кофе, поехавшая стрелка на чулке, музыка и шоколадные конфеты. Вернее, их отсутствие.

Для меня в жизни важно все: запахи, звуки, полутона и оттенки... Поворот головы, холодок в голосе, сквозняк во взгляде... Всё. Абсолютно все считывается мною, замечается, имеет значение. В юности я, просто, фонтанировала эмоциями, отзываясь на любые, даже самые незначительные поводы. Натянутая, как струна, я всегда была готова отозваться, пропеть, прозвучать и рассказать всему миру о сокровенном, и непременно в стихах:

Я от штор задыхаюсь.
Дайте света!
Дайте сладкого запаха
Мятного лета!
Дайте все, что предсказано,
Но еще не свершилось!
Намечталось, прочлось
Или только приснилось!
Дайте в три раза больше:
Если сказки, то зимней,
Если моря, то в шторме,
Если птицы, то синей!
Если крик – во все горло,
Если слезы, так градом,
Если миг, только звездный!
Мне другого не надо.
Все с налету, с разбегу,

Все взалхлеб, полной мерой.
Если жить, то с любовью,
А любить – только с верой!

Но, вернемся в детство...

Как я уже говорила, мой отец хотел сына, поэтому и относился ко мне соответствующе: брал с собой на рыбалку поудить, на полигон пострелять и особо не нежничал и, даже, прозвище для меня придумал свое – Антин. Тогда мне это нравилось, а теперь я понимаю, что многое в моей жизни могло сложиться иначе, если бы к маленькой девочке относились – как к маленькой девочке...

С самого сознательного возраста я играла в театр. Режиссировала всевозможные миниспектакли с переодеваниями и сказочными перевоплощениями. Правда, мне всегда доставались исключительно мальчуковые роли. Я самоотверженно играла принцев, кота в сапогах и даже мухомора в роскошной шляпе в горошек, а принцессой не была ни разу.

Участницей первого в своей жизни межличностного конфликта я стала в пятилетнем возрасте из-за дружбы с мальчиком Мишей, живущим в нашем доме на пятом этаже. Он относился ко мне довольно трепетно, водил к себе в дом и показывал невероятной красоты книжки, которые раскрываясь, превращались в объемные картинки. Мне нравилось дружить с Мишей, но соседская девочка Оля как-то озадачила меня недетским вопросом:

– Зачем ты с ним дружишь, он же – еврей?

В тот же вечер за ужином, я спросила у мамы:

– А что, еврей – это плохо?

– Почему ты так решила, – удивилась мама, переставая жевать.

– Это не я решила. Это Оля. И она дразнится.

– И как же она дразнится?

– Она говорит: «Жид пархатый!» А пархатый, это какой?

– Не знаю... – смутилась мама и отправилась мыть посуду.

– Так мне дружить с Мишей или нет? – на всякий случай уточнила я.

– Конечно дружить.

И я продолжила дружить с Мишей, потому что он был очень умный и мне с ним было интересно. Но, Олю наша дружба почему-то очень раздражала и, тогда, она решила зайти с другой стороны. Она оказалось не по-детски изобретательной – эта Оля.

– А возьми меня с собой в гости к Мише, – попросилась она, по-собачьи повернув голову набок.

– Не знаю... Он только меня звал, – попробовала отбиться я.

– А это будет ему сюрприз!

Я растерялась. Мне хотелось сделать другу Мише сюрприз, но что-то меня останавливало. Видимо, я была слишком маленькой чтобы понять – что именно. И потом, эти собачьи глаза... И я взяла Олю с собой.

Двери нам открыла старшая Мишина сестра Соня и пригласила в комнату. Мы с Олей уселись на диван, а хозяйка достала из шкафа целую стопку удивительных книг.

– Вот, посмотрите пока, а Миша сейчас придет, он с мамой в детской поликлинике. А я вам сейчас печенье принесу.

Я взяла из стопки верхнюю книжку и развернула её – сказочный воздушный замок поднялся и растянулся во все стороны. Следом за ним стали раскрываться бумажные фигурки принцессы, злой колдуньи и маленького пажа в голубом камзоле. Оля, как замороженная,

смотрела на эту красоту и вдруг, рванув книгу из моих рук, разорвала её пополам. Потом еще и еще. Она в считанные секунды растерзала в клочья бумажную сказку, злобно сверкая глазами, а я не могла двинуться с места, меня словно приклеили к дивану. Но, когда разделавшись с первой книгой, Оля принялась за вторую, я не выдержала и ухватила её за крысиный хвостик. Конопатая бестия заорала во весь объем своих детских легких и, когда на шум из кухни прибежала переполошенная Соня, завопила, тыча в меня пальцем:

– Это всё она! Она! Это она из зависти. Я знаю!!

Больше в дом к другу Мише меня не приглашали.

Это была первая, очень маленькая, детская несправедливость, оставившая в моей светлой душе, нет, не шрам – сгусток. Крошечный черный сгусток, небольшое пятнышко не расцасываемой обиды.

В тот год мой отец, получив звание подполковника и новое назначение, отбыл в далекий город Тбилиси, оставив жену и двоих детей в Украине. Пожив какое-то время без семьи и, вновь, почувствовав себя красивым и неженатым, обаятельный офицер опять закрутил роман, а потом и вовсе решил уйти из семьи. В один из своих приездов, он, требуя развода, устроил громкий и отвратительный скандал, обвиняя во всем холодную и равнодушную к нему жену. Забившись под стол и закрыв уши руками, я пересидела родительскую ссору и свою, уже совсем недетскую, беду.

Успокоившись, отец увел меня из дома, обещая купить мороженое, конфеты и еще что-то, в надежде оправдаться. Не передо мной, перед собой. Я просидела отвернувшись всю дорогу у окошка троллейбуса, а потом, также безмолвно, шла с ним рядом, силясь понять что хочет от меня этот, ставший в одночасье чужим, человек. Отец крепко держал мою ладошку в своей, когда мы подошли к киоску с сигаретами, но как только он выпустил мою руку и полез в карман за кошельком, я кинулась бежать. Бежала долго, каким-то чудом отыскивая дорогу, словно маленький потерявшийся озлобленный волчонок. Я бежала к маме.

Отец примчался домой почти одновременно со мной, бледный и взъерошенный, схватил армейский ремень и навис надо мной, дыша яростью. Прижавшись к столу спиной и вцепившись руками в его край, так, что побелели костяшки моих пальцев, я глянула снизу вверх отцу прямо в глаза:

– Только попробуй меня ударить! – твердо сказала я, понимая, что никакая сила на земле не сможет разжать моих пальцев.

Я не знаю почему он тогда отступил – сник, роняя ремень на пол, но я знаю другое – это была моя первая победа женщины над мужчиной. Победа, делающая женщину очень сильной и... очень несчастной.

Отец вскоре уехал и сдал нашу квартиру военному ведомству, видимо, пытаясь этим самым отомстить не только маме за нелюбовь, но и мне за недетское противостояние. Я была шестилетним ребенком, но хорошо помню растерянное лицо матери, когда на пороге появился молодой круглолицый майор с орденом на нашу квартиру. Не очень понимая, что происходит, я на всякий случай разревелась, видя испуганные глаза мамы и сестры, которая была на десять лет меня старше и уже иначе, по-взрослому, прочувствовала всю полноту отцовского предательства. К счастью, армейские чиновники проявили человеколюбие и не выставили бывшую офицерскую жену с детьми на улицу.

Когда я пошла в школу, соседская девочка Оля оказалась одной из моих одноклассниц. Она подошла к моей парте, плюхнулась рядом и, повернув ко мне добродушное конопатое лицо, сказала:

– Давай дружить. По-новому.

И мы стали дружить по-новому: вместе шли до школы, высиживали все уроки за одной партой и вместе возвращались домой, потом вместе обедали: то у меня, то у неё дома и вместе-же готовили домашнее задание. Словом, мы были настоящими подругами, во всяком случае мне тогда так казалось.

В то время наличие домашнего телефона считалось немыслимым благом. Телефоны проводили, как правило, чиновникам и военным. Помню, как весь дом бегал к нам с вопросом: «А можно от вас позвонить?» и со временем, мы перестали закрывать входные двери: соседи приходили, звонили по телефону и уходили.

В нашем подъезде жил мальчик по имени Павел и был старше нас на два года. Два года в школьном возрасте-это очень много, это, почти, взрослый. Павел всегда вежливо спрашивал разрешения позвонить и всегда оставался со мной поболтать, приходил по несколько раз на день, угощал меня конфетами, садился на подоконник и весело разливисто хохотал, рассказывая смешные истории, тысячи всевозможных историй обо всем на свете. На мой восьмой день рождения он принес мне удивительной красоты жемчужные бусы, нежные и переливчатые. Как я узнала позже, эти бусы он взял у своей матери, за что был сильно избит отцом.

Мне несказанно понравился его подарок, и я положила его под подушку, чтобы засыпая, долго гладить ладошкой маленькие прохладные горошины.

Утром я поделилась своей радостью с подругой Олей.

– Ой, они, наверное, не настоящие. Пластмассовые наверное, – скривилась она со знающим видом.

– Нет – настоящие, – ответила я, уверенная в том, что в наших с Павликом отношениях не может быть ничего не настоящего.

– А покажи!

– Хорошо-покажу. Потом, – ответила я, словно предчувствуя что-то.

– Нет, ты сейчас покажи! – не унималась Оля, – ты мне подруга или как?

– Я тебе подруга, только нам в школу надо.

– Успеем! Давай – неси!

Я оставила портфель у подъезда на лавочке, а сама метнулась домой за ожерельем, быстро нашарила его под подушкой и, зажав в кулачке, вернулась к подруге. Оля выхватила у меня подарок, как только я разжала ладонь, и глаза её сверкнули недобро, как-то совсем не по-детски – и в ту же секунду ниточка бус разлетелась на маленькие перламутровые капельки, исчезающие один за другим в густой траве палисадника.

– Ой! Я нечаянно, честное слово, – процедила сквозь зубы Оля, наблюдая, как я ползаю на четвереньках, выискивая в траве рассыпавшиеся бусины. А потом добавила, – Ну это... Я в школу... пойду что-ли...

– Иди, – ответила я, садясь на землю и понимая всю бесполезность своих попыток. Слезы, крупные и горькие, очень похожие на жемчужины, скатывались с моего лица и исчезали в траве.

Сейчас пошла мода показывать в сериалах истории о хороших девочках, из которых потом вырастают такие же добрые-предобрые бессловесные женщины, правильные до тошноты, скучные до невозможности. На протяжении фильма они всех кормят, понимают и согревают своей бескорыстной заботой, а врагов, даже самых злобных, оправдывают и прощают – всех злодейских злодеев и негодяйских негодяев.

Н-е количество серий их незаслуженно обижают, а в конце фильма приходит ОН, справедливый и богатый, побеждает всех злодеев с негодьями и уговаривает выйти за него замуж. Целую серию уговаривает, потому что они такие гордые и никак не уговариваются.

И вроде бы хочется этого самого счастливого и справедливого финала, но внутри все сопротивляется и восстает против такого откровенного «мармелада».

Я хочу, чтобы вы поняли – я не такая: не безотказная и не бессловесная. Я, что называется – с характером, но настолько верящая в доброе человеческое начало, что за этой самой верой характера, порой, не разглядеть.

Говорят, чтобы у человека сложилась жизнь, нужно только одно: чтобы его в детстве любили. Я добавлю – любили так, как это необходимо ребенку. Вот, к примеру, я всегда знала, что мама меня любит. Знала, но не чувствовала, потому что мама никак не проявляла свою любовь, меня никогда не ругали, но никогда и не хвалили, не целовали, не обнимали, не восхищались моими детскими достижениями. Есть такие родители, которые любые карточки отпрыска, сразу – на стенку, поделку – в сервант на самое видное место, а выученный стишок – перед гостями на табуретку. Меня никогда «на стенку не вешали», «в сервант не ставили» и «на табуретку гордо не водружали».

Гуляли мы во дворе, почти всегда, до сумерек, и родители, один за другим, в форточку высовывались или с балкона кричали: «Петя – домой!» или «Саша- домой!» Потом звали Свету, Иру, Наташу... Всем еще поиграть хотелось, все канючить начинали, выпрашивать: «Мам, можно я еще пять минут?! Ну, пожалуйста!» Потом заканчивались и эти пять минут. – и двор пустел. А потом становилось совсем темно, и я оставалась на лавочке такой брошенной куклой и ждала, когда же и мне крикнут в форточку: «Анита, а ну быстро домой!» А потом брела домой сквозь темный подъезд и одиночество.

Меня не воспитывали словесно, не принуждали к труду, не приучали к дисциплине и, порой, такая свобода оборачивалась против меня же самой – я сама себя воспитала жутко ответственной, решительной и одержимой в желании довести начатое дело до логического конца. По всей видимости свободолюбие и независимость, та главная ценность, которая была мне дарована в детстве. А может быть – беда. Кто знает...

Как я и сказала – мама никоим образом не ограничивала мою свободу, зато этим регулярно занималась моя старшая сестра. Она, как и многие другие по жизни, всячески пыталась укротить мою эмоциональную натуру. А еще она умела делать больно. Словами. Это у неё называлось – закалить характер и приготовить меня к взрослой жизни, обезопасить от ударов судьбы и избавить от иллюзий, она никак не хотела понять, что боль, причиненная чужими людьми, никогда не сравнится с той, которую тебе наносят близкие. И привыкнуть к этому нельзя, во-всяком случае у меня это не получалось.

У меня всегда были сложные отношения с едой. Как рассказывала мама – накормить меня, тонкую, звонкую и прозрачную, было, практически, невозможно. Соседи и знакомые, всплеснув руками, восклицали: «И что ж она у вас такая худенькая!» – и это очень беспокоило маму.

Сестра в тот момент окончила школу и, провалив вступительные экзамены в институт, маялась дома и отыгрывалась на мне по полной, предоставляя мне возможность скудного выбора: съесть обед или пятьдесят раз переписывать домашнее задание. Я не ела, я упрямо переписывала и, к концу учебного года, стала отличницей, но однажды не выдержала и сказала, что не буду: не буду есть и переписывать, тоже – не буду. И тогда сестра поставила меня в угол. Первый раз в жизни меня поставили в угол. Казалось бы, что такого? Стоишь себе в углу комнаты и стоишь, бывают на свете наказания и похлеще. Но, не для меня. Поставить человека в угол, означает – ограничить его свободу, а я этого вынести не могла. И я сбежала. Через окно. Меня отловили поздно вечером в двух кварталах от дома. Похоже, мама тогда

сильно испугалась, потому что ударила меня – первый и единственный раз в жизни. Конечно, это было неприятно, и обидно, но не так нестерпимо, как стоять в углу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.